

Рецензия /
Book Reviews

УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)6

«ТВОИ ПИСЬМА СЕРДЕЧНЫ,
КАК ДРУЖЕСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ»
(ПЕРЕПИСКА АНДРЕ ЖИДА
С ФЕДОРОМ РОЗЕНБЕРГОМ)

© 2022 г. К.А. Чекалов

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 29 июня 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 16 августа 2021 г.
Дата публикации: 25 марта 2022 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-508-519>

Аннотация: В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и в парижской библиотеке имени Ж. Дусе хранится переписка знаменитого французского писателя Андре Жиде с известным отечественным востоковедом, членом-корреспондентом АН СССР Федором Александровичем Розенбергом (1867–1934). В 1921 г. издательство Лионского университета выпустило этот франкоязычный эпистолярный в свет (в общей сложности 338 писем). Переписка охватывает собой протяженный период с 1896 г. до кончины русского ученого. Она предоставляет читателю возможность погрузиться в духовный мир двух ярких представителей культуры «рубежа двух столетий», в очередной раз оценить степень влияния революционных событий в России на менталитет и быт академического сообщества. Эпистолярный содержит в себе ряд лакун, связанных в первую очередь с революционным переворотом 1917 г.; лишь небольшая подборка писем относится к 1920-м гг.; напротив, начало XX в. представлено чрезвычайно широко. Всё более обретающая приметы катастрофизма социально-политическая реальность неумолимо вторгается в тот эстетизированный, иногда явно переключившийся с праерафаэлитским универсумом, в котором хотелось бы замкнуться Ф.А. Розенбергу, утонченному знатоку как восточной, так и западноевропейской культурной традиции. Видное место в эпистолярной занимает «прекрасная Италия». В переписке довольно существенное место отведено интимным переживаниям Ф.А. Розенберга, приверженца нетрадиционной сексуальной ориентации. Издание подготовлено преподавателем Университета Верхнего Эльзаса Николь Дзюб; вступительная статья и обстоятельный пространственный комментарий дают исчерпывающее представление о фигурирующих в переписке реалиях, культурных знаках и персоналиях.

Ключевые слова: перевод, искусство, эстетизм, письмо, эпистолярный, роман, Италия, Франция, Санкт-Петербург, революция.

Информация об авторе: Кирилл Александрович Чекалов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

E-mail: tchekalov@yandex.ru

Для цитирования: Чекалов К.А. «Твои письма сердечны, как дружеское рукопожатие» (Переписка Андре Жиде с Фёдором Розенбергом) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1. С. 508–519. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-508-519>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

“YOUR LETTERS ARE AS CORDIAL
AS A FRIEND’S HANDSHAKE”
(CORRESPONDENCE BETWEEN ANDRÉ
GIDE AND FYODOR ROSENBERG)

© 2022. Kirill A. Chekalov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 29, 2021

Approved after reviewing: August 16, 2021

Date of publication: March 25, 2022

Abstract: St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences stores a correspondence between a famous French writer André Gide and a renowned soviet Orientalist scholar, member of the USSR Academy of Sciences, Fyodor Rosenberg (1867–1934). Part of the correspondence is kept in the Parisian library Jacques Doucet. In 1921, the University of Lyon published the epistolary in French (in total 338 letters). The correspondence covers a long period from 1896 to the date of death of the Russian academic. This letters allow to contemplate the spiritual world of two outstanding cultural figures of the fin de siècle, as well as to see once again how the revolution in Russia influenced the mindset and the way of life of academic life. The fact that the epistolary lacks a number of letters is mainly explained by the 1917 Revolution. Only a short collection of letters dates back to the 1920s (when Rosenberg was a senior research curator at the Asiatic Museum, now the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), while the early 20th century is broadly represented in the correspondence. Social and political reality becomes more and more catastrophic as it invades that highly estheticized, sometimes explicitly Pre-Raphaelite-like universe into which Rosenberg, a refined expert in both Eastern and Western-European cultural traditions, would like to withdraw. “Beautiful Italy” occupies a significant place in the letters. Rosenberg’s deep emotions connected with his being a homosexual are also an important part of the epistolary. The edition is prepared by Nikol Dziub, professor at the University of Upper Alsace (UHA). The introductory note and an extensive page-by-page commentary provide a comprehensive view of the reality, cultural landmarks, and personalities that appear in the correspondence.

Keywords: translation, art, aestheticism, letter, epistolary, novel, Italy, France, Saint-Petersburg, revolution.

Information about the author: Kirill A. Chekalov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>

E-mail: tchekalov@yandex.ru

For citation: Chekalov, K.A. “Your Letters are as Cordial as a Friend’s Handshake” (Correspondence between André Gide and Fyodor Rosenberg). *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 508–519. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-508-519>

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится достаточно обширный фонд известного отечественного востоковеда, члена-корреспондента АН СССР Федора Александровича Розенберга (1867–1934). Наряду с рукописями его научных трудов, дневниковыми записями, переводами, заметками, стихотворениями, различными документами фонд включает в себя переписку Ф.А. Розенберга с отечественными и зарубежными учеными (включая академиков С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра, а также сына создателя «яфетической теории» — ираниста Ю.Н. Марра). Но самый масштабный корпус в составе этого фонда — письма, отправленные Ф.А. Розенбергу одним из крупнейших французских писателей конца XIX – первой половины XX вв., Андре Жидом. Что касается писем, отправленных самим Розенбергом Жиду, то они хранятся в парижской библиотеке имени Жака Дусе, входящей в систему университетских библиотек французской столицы. Обе части переписки собраны в рецензируемом издании [6]. Оно включает в общей сложности 338 писем, причем наряду с письмами двух указанных лиц сюда включены скромная по объему переписка Розенберга с супругой (а одновременно и кузиной) Жиды Мадлен и несколько его писем к Жанне Друэн, о которой будет сказано ниже. Переписка охватывает собой протяженный период с апреля 1896 до марта 1934 г.; 5 июня русского ученого не стало.

Этот эпистолярный стал известен отечественному читателю благодаря публикации на страницах журнала «Вопросы литературы» статьи крупного петербургского историка и архивиста Б.С. Кагановича, скончавшегося 25 января 2021 г. от осложнений ковида [1]. Статья доступна также во французском переводе [8]. Как и все работы Б.С. Кагановича, данная публикация

отличается высоким научным уровнем и обстоятельностью; при этом, однако, в ней приняты в рассмотрение исключительно письма, отправленные Андре Жидом. И только рецензируемая книга позволяет оценить эпистолярный в полном объеме. В этой рецензии мы сосредоточимся преимущественно на письмах Ф.А. Розенберга.

Б.С. Каганович — вслед за академиком И.Ю. Крачковским, составившим в свое время обстоятельный некролог Ф.А. Розенберга [4], — подробно воссоздает биографию ученого, так что здесь есть все основания ограничиться короткой справкой. Уроженец лифляндского города Феллина (ныне Вильянди), Ф.А. Розенберг окончил в 1889 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и специализировался на персидской словесности; его наставником был директор Азиатского музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН) академик Карл Густав Залеман. По состоянию здоровья Ф.А. Розенберг с 1891 по 1898 г. находился во Франции и посещал лекции в Коллеж де Франс. С 1902 г. работал в Азиатском музее, вначале «в скромной роли работающего по найму» [4, с. 373]; с 1904 г. — помощник ученого хранителя, с 1912 по 1931 г. — старший ученый хранитель музея. В 1923 г. Федор Александрович был избран членом-корреспондентом Академии наук. Среди его многочисленных научных работ (не только литературоведческих и лингвистических, но и искусствоведческих) следует в первую очередь назвать перевод написанной в 1278 г. на фарси «Книги Зороастра» (ее автор — неизвестный приверженец зороастризма), а также очерк «Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде» (1912). В последние годы жизни трудился над подготовкой научного издания «Шахнаме» Фирдоуси (для издательства “Academia”), активно содействовал переводчику М.Л. Лозинскому в его работе. Книга вышла в свет в год смерти ученого. В некоторых источниках Федор Александрович фигурирует как Фридрих Розенберг [5, р. 33].

Знакомство Андре Жида с Ф.А. Розенбергом состоялось в декабре 1895 г. во Флоренции, куда писатель отправился по ходу своего свадебного путешествия. Жид посвятил Розенбергу свою повесть-притчу «Эль Хадж» (1899). Во время своего пребывания во Франции русский ученый неоднократно навещал Жида и его супругу как в Париже, так и в имении Кювервиль (Нормандия). В послереволюционные годы им удалось свидеться лишь однажды, в 1927 г., в Берлине.

На начальной стадии их знакомства Ф.А. Розенберг ухаживал за сестрой Мадлен Жид, Жанной Рондо; однако у него имелся соперник — литератор Марсель Друэн, сотрудничавший с весьма влиятельным франко-бельгийским изданием “La Revue blanche”. В конце концов долгое время колебавшаяся Жанна сделала выбор в пользу Друэна, о чем рассказано в дневнике Жида; возможно, именно острая реакция Розенберга на бракосочетание Марселя и Жанны предопределила его дальнейшую, столь же бурную, сколь и бесплодную, однополую сексуальную жизнь.

Переписка Ф.А. Розенберга и А. Жида 1890–1900-х гг. выглядит как утонченная эпистолярная беседа двух европейских интеллектуалов, глубоко погруженных в культурный контекст “fin-de-siècle”, живо обсуждающих книги Малларме, Ницше и Уайльда, культурные особенности арабского Востока, музыку Баха, Листа и Бетховена (Розенберг «был серьезным музыкантом <...>, тонким исполнителем как классической музыки, так и романтиков, чутким и изящным импровизатором» [4, с. 383]). Своеобразным камертоном предстает здесь “la Bella Italia”, средоточие культурной памяти и эталон прекрасного ландшафта. Рим, Тиволи, Лигурия, Неаполь, Помпеи, Сицилия упоминаются в переписке часто, но особенно важна для обоих корреспондентов Тоскана и ее столица. За пару месяцев до смерти тяжело больной Розенберг пишет Жиду: «...к Флоренции я отношусь с особенной нежностью. Именно там мы с тобой познакомились, именно там под твоим руководством взору моему, прежде того зашоренному, открылись шедевры искусства» [6, р. 565].

Ф.А. Розенберг то и дело вводит в текст своих писем итальянские словечки и даже целые фразы, пристально следит за новинками итальянской литературы. При этом странным образом крайне редко упоминается Габриэле Д’Аннунцио (его даже нет в именном указателе), знакомство которого с А. Жидом состоялось почти одновременно со знакомством с Розенбергом и который в период их переписки являлся своего рода культовой фигурой европейского уровня. Лишь однажды, рассуждая о творчестве К. Бальмонта, Федор Александрович обращает внимание на «почти даннунциевскую красоту форм» русского поэта [6, р. 274].

И все-таки на протяжении всей переписки точкой отсчета становится для Ф.А. Розенберга Франция; сказанное относится не только к культуре, но и к природе. Так, Сестрорецк видится ему «будущим Трувилем» [6, р. 171],

а Пернау (Пярну) хоть и несколько уступает Остенде и Этрет, но обладает несомненным обаянием: «...в ясную погоду морская вода приобретает изысканный цвет, парк изумителен, а воздух выше всяких похвал» [6, р. 426]. В своих рассуждениях русский ученый старается воспроизвести французский стиль мышления, рационально осмысливать действительность; по справедливому замечанию И.Ю. Крачковского, Розенбергу было свойственно «проникновение этой <французской. — К. Ч.> культурой во всем ее комплексе, органическое вживание в нее» [4, с. 383].

Ф.А. Розенберг был настоящим полиглотом. Когда приятель Андре Жида, поэт Кристиан Бек собирался в 1903 г. отправиться в Петербург, автор «Имморалиста» рекомендовал ему обратиться за практическими советами именно к Розенбергу: «...он ответит вам на четырех языках одновременно» [7, р. 123]. Имелись в виду, скорее всего, европейские языки — французский, итальянский, немецкий и английский; фарси, арабский, турецкий и татарский тут в расчет не берутся. Визит Бека к Розенбергу состоялся в мае, причем французский гость поведал ему о своей встрече со Львом Толстым в Ясной Поляне.

Что касается французского языка, то им Федор Александрович владел безупречно (хотя уже в первом из писем извиняется за несовершенство своей речи). Более того, в его письмах встречаются аргоизмы (например, “la profonde”, «карман» и его содержимое — «деньги») и регионализмы. В числе последних — крайне редкое и устаревшее в наши дни нормандское выражение “ried du temps” [6, р. 177] — речь идет о небосводе, по цвету которого можно определить завтрашнюю погоду. В примечании дается объяснение данному фразеологизму, который, как пришлось удостовериться автору этой рецензии, не всегда понимают даже современные уроженцы Нормандии.

Все приводимые в письмах Ф.А. Розенберга переводы с французского и обратно не вызывают никаких нареканий, за исключением одного: в составленном им для А. Жида хронологическом перечне произведений Ф. Достоевского фигурирует роман под названием “L’Adulte”. Видимо, речь идет о простой невнимательности со стороны Федора Александровича — конечно же, имеется в виду “L’Adolescent”, «Подросток».

В целом же творчество Ф. Достоевского принадлежит к одной из доминант переписки. Не раз упоминается выполненный Ф.А. Розенбергом

перевод новеллы «Бобок», которую он окрестил «фельетоном»; перевод был напечатан в январе 1899 г. на страницах журнала “L’Ermitage”, одним из руководителей которого в тот период являлся А. Жид. Ф.А. Розенберг указывает на трудности с переводом новеллы, и это вполне объяснимо: ее сказовый характер, ее сокровенная связь с гоголевской традицией, присутствие в тексте каламбуров — всё это требует от переводчика высочайшего профессионализма. Надо сказать, Федор Александрович справился с поставленной самим себе задачей, хотя и, по его собственному выражению, постарался смягчить «психопатический» стиль «Бобка» [6, p. 109].

Нет нужды напоминать о том, сколь значимо было для А. Жида творчество Ф. Достоевского. В эпистолярной упоминается подборка эссе Жида о Достоевском (первая часть вышла в 1908 г. на страницах журнала “Mercure de France”, а полностью книга была опубликована лишь в 1923 г. под названием «Достоевский в свете своей переписки»). Цитируется «Дневник писателя», упоминаются «Братья Карамазовы» и «Идиот». В то же время заметно, что отношение Ф.А. Розенберга к Ф. Достоевскому носит более сдержанный, нежели в случае А. Жида, характер. Отчасти это объясняется космополитическим складом ума ученого; он, например, упрекает великого русского писателя за речь при открытии памятника Пушкина с ее «сверхшовинизмом и панславизмом» [6, p. 535].

Взгляд Ф.А. Розенберга на Россию не отмечен избыточным пиететом по отношению к национальной духовной и религиозной традиции. В своих не слишком частых замечаниях на сей счет он прибегает к нелицеприятным констатациям. В одном случае Ф.А. Розенберг перефразирует известный афоризм В.И. Даля «всякий порядочный русский человек состоит из трех частей: души, тела и паспорта»; в его версии высказывание приобретает следующий вид: «как ты и сам знаешь, у нас человек состоит из паспорта и *чина*» [6, p. 183]. «Аромат духовный», о котором писал И.С. Шмелев, вызывает у Ф.А. Розенберга скепсис: «Святая Русь хороша собой и приятно благоухает, когда держишься от нее на расстоянии — вот только не стоит приближаться к ней вплотную» [6, p. 139].

В то же время Федор Александрович чуток к обаянию Петербурга и его окрестностей (Павловск, Петергоф), он настоятельно рекомендует А. Жиду посетить город на Неве, в том числе и в связи с его работой над книгой о Ф. Достоевском: «...тебе необходимо увидеть наши восхити-

тельные зимние туманы, наши сладостные декабрьские ночи!» [6, р. 412]. Проект путешествия А. Жида в Россию, который так и не был реализован при жизни Ф.А. Розенберга, — один из постоянных мотивов переписки. В 1902 г. А. Жид уже разработал маршрут предстоящей поездки. Между тем, как известно, французский писатель прибыл в СССР лишь в 1936 г. и дал в своем очерке неоднозначную картину страны «под солнцем сталинской конституции». Оставшийся в рукописи фрагмент книги «Возвращение из СССР» содержит очень сердечный отзыв А. Жида о его русских друзьях, включая и скончавшегося незадолго до того Ф.А. Розенберга.

В послереволюционные годы Федор Александрович с горечью констатирует, что переименованный и утративший столичный статус «град Петров» утратил свой былой блеск; от прошлого остался лишь «силуэт». Это вполне созвучно известному афоризму Андре Жида из второй главы «Возвращения из СССР»: «что восхищает в Ленинграде — это Санкт-Петербург» [2, с. 355]. Думается, данная фраза навеяна как личными впечатлениями французского писателя, так и перепиской с Ф.А. Розенбергом.

Упоминание Федором Александровичем «сладостных декабрьских ночей» далеко не случайно. С его точки зрения, морозная русская зима, сама мысль о которой вызывала у А. Жида нервическую дрожь, обладает некоторыми преимуществами: очень короткий световой день, а с учетом своих специфических увлечений темное время суток Ф.А. Розенберг чрезвычайно ценил (и, напротив, недолюбливал белые ночи).

Здесь приходится вновь коснуться уже затронутой нами темы, а именно сексуальной ориентации Ф.А. Розенберга. Хотелось бы, вслед за Б. Кагановичем [1, с. 428–429], вообще уйти от обсуждения данного вопроса, но переписка не позволяет этого сделать. Слишком уж большое внимание «скромный и сдержанный хранитель музея» [3, с. 384] уделяет своей «ночной охоте», посещению бань (именно здесь в период Серебряного века чаще всего завязывались однополые романы), случайным партнерам. “Eros Socraticus” обуревал ученого, как и многих представителей современной ему культуры, причем в описании нескольких интимных приключений в интеллигентную вообще-то речь Ф.А. Розенберга вторгается смачная забористая лексика, которая в сознании современного читателя скорее ассоциируется с творчеством, допустим, Жана Жене. Приведем наиболее радикальный пример на языке оригинала. Эпизод, о котором идет речь, разворачивается

в Париже; никаких подробностей о его участниках в письме не содержится, ясно лишь, что речь идет об однополой «любви втроем»: “on ne savait plus qui était à qui et qui enc[ulait] qui” [6, p. 305].

Что касается политических воззрений Ф.А. Розенберга, то они в переписке заметно приглушены. Здесь уместно вновь сослаться на статью Б. Кагановича: «Нам почти ничего неизвестно о политических взглядах Ф. Розенберга. Скорее всего, он был достаточно аполитичен, как и большая часть той среды, в которой он вращался. Отрывочные и трудноразборчивые записи на русском и немецком языках в записных книжках Розенберга 1917–1920 годов, во всяком случае, отнюдь не свидетельствуют о симпатиях к большевистской власти» [1, с. 446].

При этом динамика эпохи («история движется с невероятной скоростью!» [6, p. 342]) побуждала Ф.А. Розенберга, при всей его изначальной аполитичности, все-таки делать тот или иной выбор. В письме от 13 декабря 1905 г. он вполне определенно заявляет о своей приверженности идеалам конституционно-демократической партии, одобрительно отзываясь о ее основателях — Ф.И. Родичеве и П.Б. Струве и одновременно осуждает эсеров и эсдеков за «якобинство». Контрреволюция 1905–1907 гг. вызывает у него гневное осуждение, как и у многих интеллигентов той поры. О большевиках в письмах не упоминается вообще: *tacent* – *parlant*.

В эпистолярии Федор Александрович демонстрирует свое тяготение к эскапизму: какие бы катаклизмы ни творились в стране — русско-японская война, первая и вторая революции, Первая мировая война, Гражданская война — ученый неизменно стремится абстрагироваться от них, уйти в научную деятельность, а также замкнуться в коконе своих эстетических и интимных переживаний.

Если в письмах 1905 г. ни словом не упомянуто Кровавое воскресенье, то в 1918 г. Федор Александрович аккуратно обходит тему красного террора, зато жалуется своему корреспонденту на плотский и, главное, интеллектуальный голод (катастрофическая продовольственная ситуация как-то смягчалась помощью из-за рубежа, а вот достать иностранные книги в Петрограде было невозможно). Разве что изредка прорываются скорбные констатации: «век железа и крови» [6, p. 459], «красный океан» революции [6, p. 341]. Лишь единожды Ф.А. Розенберг выносит свой вердикт новому человеческому типу, сформированному революционным

вихрем, но тем оглушительнее падает каменное слово: “*homo insipiens sovieticus*” [6, p. 467].

Присущий Ф.А. Розенбергу эстетизм с особой силой выражен в письме А. Жиду от 24 мая 1908 г., где он сообщает французскому писателю о кончине от тифа своей двенадцатилетней племянницы Сонечки. Поскольку своих детей у него не было, маленькая Соня во многом заменяла ему дочь; Федор Александрович не раз отзывается о ней с огромной нежностью. При этом картина лежащей в гробу маленькой покойницы, которую он воссоздает, отмечена олитературенностью и сильно напоминает о полотнах прерафаэлитов: «Как она была прекрасна в гробу! Тело слегка наклонено вправо, профиль — что камья из слоновой кости; глаза чуть приоткрыты и словно бы смотрят на вас из-под долгих ресниц; копна роскошных волос... Настоящая *Schneewittchen*, Белоснежка» [6, p. 408].

Письмо произвело на А. Жида столь сильное впечатление, что он не только выразил свои глубокие соболезнования Ф.А. Розенбергу («вашу Сонечку я любил, как если бы знал ее лично» [6, p. 409]) и оставил необычайно взволнованную запись об этом печальном событии в своем дневнике (от 6 июня), но и использовал последние слова умирающей Сонечки: “*Sag, Mama, was ist eigentlich ein Idyll?*” («Скажи, мамочка, что такое идиллия?») в наиболее значительном из своих сочинений, не раз упоминаемом на страницах эпистолярия, — романе «Фальшивомонетчики», над которым писатель работал с 1922 г. А. Жид вкладывает их в уста пятнадцатилетней Брони, смерть которой наступает совершенно внезапно: «“Мама, мне так хочется знать... Скажи, только точно, идиллия — это что такое?”. Эти слова терзали ему сердце; Борис ни с кем не хотел ими делиться» [2, с. 351]. Таким образом, письмо Ф.А. Розенберга входит в ряд многочисленных источников знаменитого романа.

Всяческих похвал заслуживает работа составителя данного издания, французского ученого украинского происхождения, преподавателя Университета Верхнего Эльзаса Николь Дзюб. Она в равной степени уверенно владеет как французским, так и русским контекстом эпистолярия, провела огромную архивную работу. Больших усилий потребовала расшифровка далеко не идеального почерка Ф.А. Розенберга. Вступительная статья, обстоятельный постраничный комментарий и именной указатель дают исчерпывающее представление о фигурирующих в переписке реалиях, культурных знаках и персоналиях.

Список литературы

- 1 *Каганович Б.* Андре Жид и Фёдор Розенберг. История дружбы // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 423–479.
- 2 *Жид А.* Возвращение из СССР / пер. А. Лапченко // *Жид А.* Собр. соч.: в 7 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2002. Т. 7. С. 341–457.
- 3 *Жид А.* Фальшивомонетки / пер. В. Никитина // *Жид А.* Собр. соч.: в 7 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2002. Т. 4. 368 с.
- 4 *Крачковский И. Ф. А.* Розенберг (1.III.1867 – 5.VI.1934) // *Крачковский И.* Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. V. С. 372–385.
- 5 *Bongard-Levin G., Lardinois R., Vigin A.* Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Pétersbourg. P.: De Bocard, 2002. 303 p.
- 6 Andre Gide, Fédor Rosenberg. Correspondance. 1896–1934 / édition établie et annotée par Nikol Ziub. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 2011. 602 p.
- 7 Andre Gide, Christian Beck. Correspondance / édition établie, présentée et annotée par Pierre Masson. Genève: Droz, 1994. 296 p.
- 8 *Kaganovitch B.* Fédor Rosenberg et son amitié avec Andre Gide / trad. par Sonia Colpart // Bulletin des Amis d'André Gide. Vol. 39, № 170 (avril 2011). P. 161–210.

References

- 1 Kaganovich, B. “Andre Zhid i Fedor Rozenberg. Istoriia druzhby” [“Andre Gide and Feodor Rosenberg. Friendship Story”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2011, pp. 423–479. (In Russ.)
- 2 Zhid, A. “Vozvrashchenie iz SSSR” [“Return from the USSR”], trans. by A. Lapchenko. Zhid, A. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collection of Works: in 7 vols.], vol. 7. Moscow, TERRA–Knizhnyi klub Publ., 2002, pp. 341–457. (In Russ.)
- 3 Zhid, A. “Fal’shivomonetchiki” [“The Counterfeiters”], trans. by V. Nikitin. Zhid, A. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collection of Works: in 7 vols.], vol. 4. Moscow, TERRA–Knizhnyi klub Publ., 2002, 368 p. (In Russ.)
- 4 Krachkovskij, I. “F.A. Rozenberg (1.III.1867 – 5.VI.1934).” Krachkovskij, I. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. V. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 372–385. (In Russ.)
- 5 Bongard-Levin Grigorij, Lardinois Roland, Vigasin Aleksey. *Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg*. Paris, De Bocard, 2002. 303 p. (In French)
- 6 *Andre Gide, Fédor Rosenberg. Correspondance. 1896–1934*, édition établie et annotée par Nikol Ziub. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 2011. 602 p. (In French)
- 7 *Andre Gide, Christian Beck. Correspondance*, édition établie, présentée et annotée par Pierre Masson. Genève, Droz, 1994. 296 p. (In French)
- 8 Kaganovitch, Boris. “Fédor Rosenberg et son amitié avec Andre Gide”, trad. par Sonia Colpart. *Bulletin des Amis d’André Gide*, vol. 39, no. 170 (avril 2011), pp. 161–210. (In French)